

Валерий Попов

МЫ НЕ РАБЫ

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

МОЯ ИСТОРИЯ РОДИНЫ

Повесть

ОСТАТКИ СЛАДКИ

Я выпал из автобуса на асфальт, мягкий после дневной жары. Далеко внизу по темному морю струилась лунная рябь, проткнутая темным и острым, как скрученный зонт, кипарисом. Рядом с ним смутно белело длинное здание – международный молодежный лагерь «Спутник», куда я стремился. Будоража темную долину, снизу вдруг прилетел хриплый и страстный вопль. Потом, увидев павлина, надменного красавца, закованного в узоры, я не мог поверить, что это он так кричит.

Но сейчас, не вникая, я издал почти такой же вопль и рухнул с шоссе в колючие кусты. Я падал то ногами вперед, то руками вниз, ветки пружинили. Горячий воздух, застоявшийся в кустах, вылетал, как птица, только заденешь ветку, сотни игол вонзались в меня, но я чувствовал лишь ликование. Конечно, можно было найти плавную дорогу – но зачем? Я падал в какой-то яркий бурлящий круг, похожий на жерло вулкана. Услышал музыку. Танцплощадка! Я выкатился туда, как шар перекаати-поля, как шаровая молния, но никто не шарахнулся, не испугался – тут все были такие!

Потом музыка стала замедляться, танец стал увязать сам в себе, и вот – все остановилось.

– В горы! В горы пошли! – вдруг понеслось по площадке.

И лава вылилась через край. И я спокойно и весело двинулся со всеми. Я успел уже разглядеть, что на эстраде играют вовсе не мои друзья, на которых я тут рассчитывал, а совсем незнакомые, более того – негры. Но мысль о том, где же я буду ночевать, совершенно не беспокоила: столько счастья и веселья было вокруг... Как где? Здесь – где же еще? Негры, белозубо улыбаясь, потянулись за нами, играя на ходу. Рядом со мной оказались посланницы братских республик (скорее сестринских) – Инга Обдайте и Анжела Рюмаху. Прижал их к себе. Последний, как оказалось, праздник социалистического братства: «Спутник», как шепнула мне Инга, «сакрывается». После этого мы больше не слышали русских слов, произнесенных с очаровательным акцентом. Продолжая приплясывать, мы поднимались горячей толпой по узкому, завивающемуся вверх шоссе. Потом свернули с него и полезли вверх, в колючие душные кусты. Это было уже знакомо мне – через них я как раз и падал!

Мы заблудились бы в этих джунглях, если бы не вожак – мускулистый, голый по пояс, в пиратской косынке, с огромным коптящим факелом в руке. Он явно напоминал легендарного Данко, вырвавшего свое горящее сердце и осветившего путь. Такие аналогии вполне годились для комсомольского лагеря. Правда, оступаясь, он явственно матерился. Но вот, наконец, наш путь оборвался, причем в самом

буквальном смысле: мы оказались над темной бездной. И уже там и сям зажигались костры, отбрасывая огромные тени до горизонта.

– Эй, голован! Давай к нам! – Вожак вдруг сам меня позвал.

За «голована», конечно, спасибо! Какое ни есть – признание! Я подполз к костру над самым обрывом. Рядом с ним – а теперь уже и со мной – возлежала смуглая красавица – библейского, почему-то хотелось сказать, облика. Плечо ее грело не хуже костра.

– Я Наиля... А ты? – Хмельно улыбаясь, она повернулась ко мне.

– Можно – Валя, – сказал я. Так более ласково.

– Влад! – Вожак резко вклинился в наш интим и вставил в протянутую к Наиле мою руку граненый стакан: вот это – твое! И не рыпайся!

– Ну, за любовь! – сладострастно произнесла Наиля, и мы чокнулись.

Фу! Водка!

– Пей! – приказал мне Влад, решив, видимо, мирным путем устранить конкурента.

Что оставалось делать? Я вдруг увидел у соседнего костра Обдайте с Рюмаху, пополз к ним, но не дополз. Прощание с представительницами братских республик сорвалось.

Проснулся я на солнечной террасе с разноцветными стеклами и долго ими любовался, вертя головой. Пронесся какой-то топот. Стекла задребезжали. И сквозь сон, вспомнил я, слышал его! Слононок, что ли, тут бегают? И вбежал вдруг маленький ежик. Во рту его дрыгалась лягушка. Глянул своими бусинками

на меня – видимо, предлагая лягушку: не желаете ли перекусить? Нет, спасибо. Если бы с пивом! Ежик убежал.

И только когда стих его оглушительный топот, я услышал что-то еще: возню за тонкой дверью, страстный шепот... Влад и Наиля! Сдавленный смех.

Потом наш Супер-Влад, играя торсом, возник:

– Ну что, голован – жив? Пойдем окунемся? Наиля пока сообразит что-нибудь.

Ну, кое-что они уже сообразили...

– А давай! – Я вскочил... Никакого угнетенного состояния, только – восторг. Я же говорил (сам себе), что все устроится!

Мы шли по ухоженным песчаным тропинкам, среди ярких клумб. В зарослях виднелись террасы великолепных вилл.

– Куда же я, мать честная, попал? – спросил я у Влада.

– А в санаторий ЦК КПСС «Горный воздух»! Не промахнулся! – гаркнул он и, довольный, захохотал.

Да-а. Идеи мне не близки, но роскошь нравится.

– А ты кем тут? – поинтересовался я, быть может, бестактно.

– Как мы... ночью не мешали тебе? – Влад выбрал более интересную тему.

Ответить – «Это ты о чем?» – будет бестактно.

– А разве ж вас это беспокоило?

Ответ правильный! Влад захохотал.

– Ну извини, друг! – облапил за плечи.

Вот мы уже и друзья!

– Еще и ежик топал! – добавил я.

– А! – Он обрадовался опять. – Это Ежи, мой друг! В честь моего польского друга назвал, киноактера. В «Спутнике» отдыхал... а я был там физкультурником, мячи выдавал.

– Ежик твой лягушку мне предлагал!

Надо же сказать хозяину что-то приятное.

– Да. Он хороший! – Даже слезы появились у Влада на глазах. – Я бы целый зоопарк тут развел... Но разве эти позволят?

Да. Коммунисты не ходят уходить, уступать место! Об этом много тогда говорилось и даже печаталось в новых газетах.

– Ну, спасибо, что ты меня сюда приволок, когда я вырубился! – поблагодарил я. – Тяжело было?

– Два раза чуть было не бросил! – захохотал он.

Мы бежали вниз, среди субтропической роскоши. У колючих кустов стоял небритый мужик в линялом синем халате и, щелкая огромными ножницами, равнял ветки.

И вдруг повернулся к нам и ожег взглядом.

– Хи-хи, ха-ха! – рявкнул он.

– Ну в общем-то да! – признался я. – Кто это? – спросил я, когда мы уже промчались мимо.

– Это? Рубанцук. Ну, рабочий тут. Последний оплот социализма! Подполковник в отставке.

Да! Место, где даже рабочие – подполковники, будет, несомненно, сметено наступающей демократией. Мимо проплывала «терраса моей мечты» – широкая, закругленная, окруженная цветами, под полосатым тентом. Вот это бы мне, начинающему писателю! Я бы такое тут написал... А вдруг это время – наступит? Все мы тогда были полны надежд.

- Простаивает хата? – поинтересовался я.
- А это неважно! – оскалился Влад. – Все равно – свежие цветы во всех комнатах. И каждый день – его любимые блюда! А вдруг приедет? Хотя всем известно, что он с визитом в Монголии.
- А какая его любимая еда? – Я сглотнул слюну.
- Военная тайна.
- А что в магазинах ни хрена нет, людям жрать нечего – тоже тайна? – вспыхнул я.
- Вот над этим они как раз и работают! Ну что? Хорошо тебе тут?
- Хорошо. Но душно. Как в подводной лодке, примерно.

...Уже укупоренная, но еще не оснащенная подводная лодка, стоящая на кильблоках в цеху на оснастке, место – не приведи Господь. Нагнешься к слабо сипящему под ногами шлангу, всосешь вместо воздуха что-то теплое, пахнущее резиной, – и живи! Но особенно тяжело, если лето и жара, и стоит едкий дым от сварки, а еще лучше – от резки металла, желательно – покрашенного! Тут чуть не вытекают глаза! Задыхаешься, размазываешь грязь по лицу – и еще пытаешься давать указания! Вспомнил – и слезы потекли.

...Теперь, правда, выбрал более уютное место работы – домашний кабинет, площадью более 10 квадратных метров. Правда, еду никто не заносит, ни любимую, ни нелюбимую. Но ты сам так захотел!

После купания подниматься было легко. «Терренкур № 1», «Терренкур № 7». Крутые, но ухоженные тропки.

- А позавтракать – не зайдем?

– Опоздали. Наиля уже на работе!

Мы поднялись к прекрасному дому со стеклянной стеной, зимним садом и вывеской «Администрация». Влад нажал высокую витражную дверь с табличкою «Главный врач». В светлом красивом кабинете сидела Наиля в белом халате и писала. Нас она приветствовала, лишь подняв бровь. Волевая девушка!

– Ну что? – проговорила, наконец, она, бросив ручку.

– Решила? – взволнованно спросил Влад.

– Что?

– Ну как? Ночью договорились.

– Ну, то ночью!.. – зевнув и сладко потянувшись, произнесла она. – Напомни.

– Ну... в церковь. Венчаться...

– Не. По храмам я не ходок! – В голосе ее зазвучали стальные нотки. Взгляд означал – подобные речи *здесь* неуместны!

Дверь вдруг открылась, и в кабинет буквально ввалился сам Плюньков, столь знакомый всем по портретам. Последнее время его то вывешивали, то не вывешивали, говорили, что откуда-то его «вывели»... а он тут! Я был потрясен. Не верилось, что он не только портрет, но еще и... Сейчас он дышал прерывисто (прошел, видимо, терренкур), по обширной его ряхе стекал трудовой пот.

– Ну как... Наиля Саидовна? – пытаюсь унять дыхание, выговорил он. – Теперь вы верите... в мое исправление?

– Будущее покажет! – жестко произнесла она. – Вам померить давление?

Плюньков сел, и Наиля померила.

– Космонавт! – похвалила она. – Кстати, вас на прогулке должен был сопровождать специалист по лечебной физкультуре. – Она ожгла взглядом Влада. – Его не было?

Влад глянул надменно. Вольный орел!

– Спасибо, Наиля Саидовна! – Плюньков, не удостоив нас даже взглядом, исчез.

Наиля строго смотрела на Влада.

– Загоню, как зайца! – прохрипел Влад и рванул за Плюньковым, но тут вдруг дверь резко открылась, и вошел аккуратный мужчина, весь в белом.

– Почему мне, начальнику по режиму, не сообщено о нахождении посторонних на территории? Майор Сокол! – представился он мне.

– Лейтенант запаса Попов! – отрапортовал я.

– Известный проктолог! – представила меня Наиля. – Вызван для консультации. Вам не требуется?

Опустила нас сразу двоих!

– Почему не затребовали пропуск заранее?

– Значит, проктолог не требуется? – Наиля уточнила. – Можете идти!

– А вы почему здесь? – обратился он к Владу. – Ваше место на водомерном узле!

– А твое место знаешь где? – взъерился Влад.

Они в упор уставились друг на друга.

– Поторопитесь – клиент вас ждет! – жестко сказала Наиля Владу. И так же майору Соколу. – Довожу до вас, хотя делать это и не обязана: в связи с резкой нехваткой кадров в нашем заведении Владлен Иванович, как кандидат в мастера спорта, назначен инструктором по лечебной физкультуре.

– Я этого не подписывал! – взвился Сокол.

– А прошли уже времена, – проговорил Влад, – когда такие гниды, как ты, все подписывали!

Таких слов здесь, на территории ЦК, может быть, никогда еще не звучало. Похоже, я застал исторический момент. Тогда все в жизни стремительно менялось – и вот, докатилось аж сюда!

В дверь заглянул какой-то встрепанный хлопец – сразу видно, что не отсюда.

– Яйца привез. Брать будете?

– Бардак! Главный врач должен заниматься всем. Вы, надеюсь, Евгений Семеныч, нам поможете? – вежливо обратилась она к Соколу.

– К моему глубокому сожалению – нет! – усмехнулся Сокол. – В мои служебные обязанности это не входит.

– Тогда позаботьтесь, что бы у нас был укомплектован штат!

– Вы же знаете, что сейчас это невозможно! – нервно произнес он.

Если уже и здесь такая разруха – значит, переменны идут повсеместно. Надо радоваться: ведь именно к этому мы так долго стремились... Но в данном конкретном случае это означает, что яйца придется таскать нам. Мне, независимому писателю, Наиле – врачу наверняка высшей категории, раз она здесь... кандидату в мастера спорта – и майору, видимо, КГБ... не танкиста же поставят сюда заведовать режимом?

– Расслабься, Женя – ты не у себя в конторе! – сказала ему Наила, когда мы вышли. У длинного здания столовой (сколько ж здесь когда-то питалось

начальников!) стоял важный шеф-повар, а рядом – пикапчик с открытой задней дверью. Влад с водителем крепко обнялись, потом водитель подошел к Наиле с бумагами в папке и ручкой.

– Не спеши! – проговорила она. – Пересчитаем.

Открыла подмокшую упаковку – так и есть. Треснувшее яйцо!

– Выкинь! – передала его мне.

Карьерный мой взлет просто кружил голову – уже разрешают мне выкидывать яйца, предназначенные ЦК!

– А можно я выпью? – жадно проговорил я.

– Я сказала – выкинь!

Я, видимо, не расслышал и аккуратно поставил его в клумбу. Не забыть бы! Урвать хоть последнее из этой роскоши! Всегда проникаю в хлебные места именно тогда, когда роскошь заканчивается.

– Это что за клоун еще? – Шеф-повар указал на меня.

– Попридержи язык. – Наиля осадил и повара.

– А можно я отгружу? – вызвался я.

– Можно! – разрешила Наиля.

На тележке я сладострастно отвез груз (минус одно яйцо) на кухню. Я бы и здесь охотно поработал! Но был изгнан.

– Немедленно выйдите – вы без колпака!

...Клоун – без колпака! Покинул то чудное помещение. Влад говорил с водителем. Потом пикапчик уехал.

– Раньше там зоотехником был! – с болью сказал мне Влад. – Искусственным осеменением занимался!.. Теперь и совхоз загибается, и тут кранты.

Влад страдал так, словно из-за его ухода из совхоза и прихода сюда все и рухнуло.

– Чтоб раньше эти... твои... – Наиля зло глянула на Влада, – битые яйца привезли!.. Мгновенно бы головы полетели! А теперь... А! – Она махнула рукой.

– Так кончилась ваша власть! А платить по нормальной цене – не охота? Хватит вам головы отрывать! – агрессивно ответил ей Влад.

По разные стороны баррикад – в одной постели!.. такое сплошь и рядом было тогда.

– Ну все! Уничтожаю яйцо раздора! – Я взял кокнутое яичко и выпил. – Стоит ли из-за этого портить столь чудный день?.. Сколько цивилизаций уже мелькнуло – и исчезло на этих берегах! – Я силился поднять общее настроение. – А жизнь здесь по-прежнему – прекрасна.

Я попытался левой рукой обнять Наилю, правой Влада.

– Ладно! Давайте знакомиться. – Сокол протянул мне руку, оказавшуюся, почему-то, вялой.

Ничего! Тут свежие силы прибыли! Я почему-то уже чувствовал себя ответственным за настроение людей. Умею я влипнуть. Однажды на Финляндском вокзале какой-то мужик дал мне ведро в руки и просто сказал: «Держи!» И я держал, пока он не вернулся и даже не сказал спасибо, – а я из-за него опоздал на электричку.

«Нет добросовестнее этого Попова!» – говорила наша классная воспитательница. Так и живу.

– Да! Жизнь не балует меня! – Вечером Влад выставил бутылку с мутной жидкостью.

Ну почему же не балует? На такой террасе сидим. Бесплатное яичко урвал! А вот – самогон высочайшего качества.

– ...В зоотехникуме еще встретил ее... – начал Влад свой скорбный рассказ.

Так главный врач в таком заведении – зоотехник?! – подумал я. – Да, похоже, действительно – эта система рушится! И мы – могильщики ее. С голодухи одно сырое яйцо – не завтрак! Меня тоже кинуло в скорбь.

– ...кончили с ней техникум! – продолжил Влад. – Специалистом по искусственному осеменению стал! Говорю: «Ну как?» Смеется! «Сперва отслужи!» В армии кандидатом в мастера по гимнастике стал! Вернулся, поступил зоотехником. Смеется: «Коровий жених!» Ну, рванул я на БАМ.

– Да... Не самый короткий путь.

– А мы не ищем легких путей!

И в этом – наша главная гордость.

– С Усть-Кута зашли. Насыпь вели – по сто тысяч кубов в день насыпали! От усталости из кабин вываливались! От загазованности – сразу столько машин – задыхались буквально. Но – сделали! После – уже в бригаде Бондаря – по 5 км рельс в сутки укладывали!

– И потом тебя, как лучшего, послали сюда поправить здоровье? – оптимистично предположил я.

– ...как худшего. И не сюда!.. а подальше. Северомуйский обход знаешь? – впился взглядом в меня.

– Ну... ценю! – дипломатично произнес я.

– Первый Северомуйский или второй?

– ...Второй!

– А первый, значит – дерьмо?! – вдруг взвился он. Да. Не попал я.

– ...Я этого не говорил.

– Мы спасли БАМ! Срок объявлен – а поезда не ходят! Северомуйский тоннель не пробит!

Я посмотрел на грозные горы за окном. Пробьешь их!

– Сейсмика! – Влад загнул палец. – Постоянные встряски.

– Плюс бюрократия, – подсказал я.

Влад гневно отмахнулся рукой: «Какая еще бюрократия!»

– Прорывы подземных вод – мы в них яйца варили! Но проходка – плывет! А срок поджимает. Кладем рельсы в обход, через горы! Первый Северомуйский обход! В школе его должны изучать, как Курскую битву!

Не знаю даже – а Курскую учат сейчас?

– Стыковку произвели, поезда пошли, отработали стране...

– Победа? – нетерпеливо подсказал я.

– Во! – Он ударил по сгибу руки. – Отменили его!

– Первый Северомуйский обход? – вскричал я.

Тоже уже сроднился.

– Думал, работать буду на главной магистрали страны. Ну, обжился уже там. Повариха. Бурятка. Домик у нее свой! Поселок Осыпной... Ну, название за себя говорит. Только успевай осыпь отгребать, чтобы путь не засыпало. Прямо в бульдозере покемарись – и опять в бой! И вдруг – закрывают нас! Слишком опасный, видите ли, вариант! Ну крутой,

конечно. С большим риском шли поезда. Расцепляли состав, по два вагона вели. Пассажиров вообще выгружали, везли на автомобилях в объезд. И вдруг – тишина. Закрывают нас! Второй Северомуйский обход строят! – Влад почему-то гневно взглянул на меня. – Причем уже военные только пашут, с толком и не спеша. Трасса длиннее намного, зато более пологая, благоустроенная. А мы – словно бы виноватые, что у нас так!

– Оказывается – и на БАМе можно проиграть.

– Так нет справедливости!.. Забыли человека! Там строят, награды получают, а я – на забытой ветке остался. «Ты отгребай, отгребай!» Товарняки проходили порой со стройматериалами, и – тишина! И это – итог жизни? Рванул в свой совхоз. И тут – искусственное осеменение, в котором я мастер был – закрывают как направление!

Набулькал остатнее.

– Теперь кто я? Физкультурник без физкультурников. Ну, давай!

Вошла Наиля. Но не одна. Какой-то приятнейший хлопец с ней.

– Митя! Труженик аналитического центра! – представился он.

Тут и аналитический центр есть? Владу он даже не кивнул.

– Ну, анализируй, раз ты центр! – завелся Влад.

– Что я уже и делаю, – спокойно ответил он.

– Ну и что дает твой анализ? – напал Влад. – Какие прогнозы?

– Какие еще прогнозы? – усмехнулся он. – Прогноз известен давно: если коммунисты захватят

власть еще и в Сахаре, там начнутся перебои с песком. А пока только у нас.

В санатории ЦК – и такие сотрудники! Подобные парадоксы бывают только у нас. Более того, это – норма.

– Так шо будет конкретно – скажи! – напирал Влад.

– ...Что-нибудь будет, наверняка! – Я попытался вывести Митю из-под огня. Он-то чем виноват? Закончил вуз, потом, наверно, аспирантуру... и какой-нибудь родственник со связями устроил его сюда. Отказываться, что ли, от такой малины? Все мы прекрасно понимаем друг друга... одна генерация! Жизнь есть жизнь...

– Ну, кое-что я, конечно, пишу! – вдруг произнес Митя, посмотрев мне в глаза. – Если интересуется – могу показать!

– Не надо! – почти перебивая его, крикнула Наиля.

– Если главврач не велит – значит, не надо! – улыбнулся он.

Да, я знаю таких – вежливых, улыбочивых, тайноупорных! Проводит что-то свое! Здесь. Где миллиметр в сторону за крамолу считается... и хочет этим поделиться со мной.

– Мы еще поговорим, я думаю, как-нибудь! – сказал я.

Митя кивнул. Наиля поблагодарила меня, глянув нежно. Как успокоил я всех!

Потом – Наиля устроила – мы великолепно пообедали на открытой террасе. Солнце – и мясо. Идиллия!

Но не совсем. Наутро все каналы передавали одно: «Лебединое озеро». Если вы помните – так наше телевидение тонко давало понять, что в Москве происходит что-то чрезвычайное. Пугч! Шли танки на Белый дом, где, в общем-то, главы правительства Горбачева не было, но люди – стояли. Отстаивали все то, чего мы добились за последние годы и не хотели терять. И мы вместе, у приемника, провели трое суток. И вместе радостно встретили нашу победу! Если бы я писал «мемуары разведчика», то непременно вставил бы: «Победу я встретил в логове врага».

– Ур-раа!

Наиля тоже радовалась, хотя сказала:

– Для нас это значит только одно – наша лавочка закрывается!

– Но заведение, я думаю, сохранится... для иных целей, – вкрадчиво произнес я.

– А кто нас будет кормить? – поинтересовалась она.

– Ежик. Лягушками! – предположил я.

– Точно! – оживились все.

Напряжение окончательно спало. Ежик, услышав, что он нынче – герой, прибежал, топая, и был встречен аплодисментами.

Влад выкатил вторую бутылку и немножко налил в мисочку ежику: за победу.

– Ну, давайте! – Я поднял стакан. – За этот момент. Когда все мы еще молоды, красивы – и все самое интересное у нас впереди. А со жратвой – разберемся!

И я закончил своим любимым тостом:

– За аскетизм!

Тост был встречен одобрительным хохотом. «Градус» предстоящего аскетизма мы еще не представляли тогда... Пели популярные песни, на ходу меняя слова:

– А жениих красиивый быыыл, а невестаа... относительно былаа молодой!

– Тебя тут Рюмаху искала. Молдаванка! – вдруг сказала Наиля. – Грозилась убить.

– Что я ей сделал?

– В том-то и дело, что ничего! – проговорил Митя.

И все засмеялись.

– Уехала она, – сказала Наиля. – «Спутник» закрылся.

Наступила вдруг тишина. Действительно, что ли, все изменится?

– Ну, все! Не буду тут лишним ртом! – Я поднялся.

– Так ты куда теперь? – спросил Митя.

– ...В Москву. Посмотрю, чего там.

– Мы с тобой! – неожиданно буркнул Влад.

– В смысле – до перевала, не пугайся! – усмехнулась Наиля.

И мы двинули все вместе. Я неожиданно объединил их – до меня чуть ли не враждебных. У «моей» виллы – Рубанцук на посту! Грозно цакнул ножницами. И – усмехнулся!

В воротах я обернулся. Я понимал, что прощаюсь с социализмом. Вернее, с остатками его. И больше уже его не увижу. Надо запомнить.

Да-а. Это ошибка большевиков, что они на главное место поставили материю, а не идею. Исчезло материальное обеспечение – исчезла и идея...

ПЕРЕВАЛ

И мы пошли по дороге вверх.

– Ну, что? – поделился я с Митей, как с аналитиком. – Если увидимся – то, наверное... уже при другой власти?

– Но ты же знаешь! – улыбнулся он. – Всякая власть...

– ...отвратительна, – подсказал я.

Продолжение тогда знали многие из нас:

– ...«как руки брадобрея!»

Но я вдруг предложил другое окончание:

– ...как руки массажиста!

– Тогда лучше уж – массажистки! – засмеялся Митя.

Наш человек! Как жаль, что мы не встретились раньше! Была прелестная дорога среди цветущих кустов – шел бы да шел! Правда, с высотой стал появляться туман...

Мы поднялись по тропинке вверх – и вот асфальт, хоть и не высшего качества, и будка с табличкой «Перевал». Вот отсюда я «скатился» в тот рай, который теперь покидаю. Вниз было легко! А вот обратно как-то боязно. Эпоха сменилась. Теперь – мало ли что? Пассажиры сгрудились и что-то тихо, но встревоженно обсуждали. «Совсем, что ли, жизнь переменялась?» Прислушавшись, мы ужаснулись: в тумане свалился в пропасть предыдущий автобус, что шел отсюда. А ведь и мы могли бы, если бы поторопились, успеть на него!

– Может, останешься? – донесся сквозь туман голос Наили.

Услышать такое от нее было волнительно. Я мечтал, вообще, жить на юге – утром выходить на крыльцо и видеть вдали блеск моря, вблизи – цветущие ветки... делать простую работу, а вечером ужинать в оплетенной виноградом беседке, чувствуя, как сладко ломит от усталости тело... Увы. Автобус уже стоял на остановке... он же, возможно, и мой будущий саркофаг. Или – две аварии подряд не бывают? А кто это сказал? Так что общая заминка понятна. Но она не может быть вечной. Пора. Из будки, скрипнув дверью, вышел пожилой водитель в серой рубахе в клетку и сел за руль.

– Ну что, Богун? Едешь? – зачем-то спросил его Влад.

– А куда я денусь? – ответил он зло. Фраза эта была длиннее на несколько слов, которые опускаем. – Ну? Какие планы? – Он обратился к толпе.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА